

КАРОЛИНА ФЕЛИЦЫ

16+

Проклятие дома Вебстеров

WISHING YOU A

ВТЯЖАЮЩИЙ СЕРДЦА
ИГРОМЫШЛЕННЫЙ ДРУЗЬЯ

Каролина Фелицы

Проклятие дома Вебстеров

«Автор»

2022

Фелицы К.

Проклятие дома Вебстеров / К. Фелицы — «Автор», 2022

Англия времен королевы Виктории. XIX век. Графство Ланкашир. Манчестер. Криминальная драма. Роман в классическом стиле исторического детектива со счастливым концом. Текстильная династия Вебстеров сумела превратить семейное ремесло в успешный крупный бизнес. Однако несчастья преследуют эту семью, не переставая. Один за другим умирают родители Джона Вебстера. Сам он подвергается покушению на свою жизнь. Похищена его малолетняя сестра. Что это, родовое проклятие или чья-то злая воля? Сумеют ли герои преодолеть все преграды на своем пути? Будет ли наказано зло? Конечно, будет. Однако для этого необходимо будет потрудиться не только неутомимому сыщику Мэтью Пейджу, но и самому читателю разобраться во всех хитросплетениях сюжета, а это будет весьма непросто.

© Фелицы К., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Каролина Фелицы

Проклятие дома Вебстеров

Часть 1

Глава 1

Блики огня от камина высвечивали резкие черты лица сидевшего в кресле подле него господина, еще не старого, но уже и не молодого. Господин этот сэр Уильям Вебстер, хозяин особняка и богатый фабрикант, был погружен в глубокое раздумье, и морщины резко изобразили его широкий лоб. Мысли его были тяжелы и безрадостны.

Не прошло еще и трех месяцев с тех пор, как он похоронил свою молодую, нежно любимую им супругу, которая умерла в родах, оставив на попечение мужа сына семи лет от роду и свою новорожденную дочь.

Сэр Уильям никак не мог и не хотел примириться со своей потерей. Как человек, шагающий в ногу с прогрессом, он был уверен, что смерть в родах в XIX веке – это такая же нелепая дикость, как дождь в январе. Газеты обходили молчанием неблагоприятное общество в вопросе детской и родовой смертности. В религиозной Викторианской Англии женщины практически постоянно пребывали в состоянии беременности, начиная с момента свадьбы и до окончания детородного периода.

У жены Уильяма Вебстера были проблемы иного рода. После благополучного рождения сына-первенца прошло целых семь лет, прежде чем леди Эвелин смогла вновь забеременеть. Ради долгожданного зачатия супруга Уильяма прибегала даже к самым нелепым суевериям своих предков. Она месяцами сидела на особой детородной диете, состоящей из травяных салатов с пижмой и пила «мандрагоровый чай», который на самом деле знахарки заваривали из корней переступня, а также ездила испить воды из особых колодцев, которая по народным приметам даровала плодородие.

Когда же долгожданная беременность, наконец, наступила, благодарная леди Эвелин до такой степени уверовала в чудеса народных примет, что окончательно превратилась в их беспрекословную рабыню. Сэр Уильям с трудом узнавал свою супругу, настолько причудливыми казались ему ее капризы. Всегда уравновешенная и разумная леди Эвелин подобно запуганной деревенской девчонке трепетала перед любой самой нелепой плохой приметой.

Кухарка была строго настроена предупредить о том, что хозяйка ни в коем случае не должна увидеть на кухне кролика или зайца. Это грозило рождением ребенка с заячьей губой.

Забываясь о благополучном вынашивании плода и предотвращении выкидыша, она приказала раздобыть для нее «орлиный камень», который необходимо было извлечь из гнезда орла. На самом деле «орлиные камни» были ничем иным, как обыкновенными жеодами, полыми внутри кусками железняка. После получения этого камня, леди Эвелин привязала его к левой руке и проходила с ним всю беременность. Затем камень перекочевал к бедру для облегчения родов, но все равно не смог предотвратить трагической развязки.

При участии старой няни маленького Джонни супруга сэра Уильяма пыталась предсказать пол будущего ребенка с помощью манипуляций с петрушкой, розмарином и шалфеем. Леди Эвелин распорядилась разбить целую грядку для посадки этих зеленых предсказателей и наблюдала за их ростом на протяжении всего лета. Если петрушка желтела, а розмарин сох на корню, следовало ожидать мальчика, если же все росло благополучно – девочку. Вероятно, в силу слабых познаний садовника в выращивании этих культур все они отказывались бурно

расти на возделанной грядке и дружно зачали. Однако леди Эвелин родила девочку. Не оправдали себя и предсказания старой няни, утверждавшей, что первым словом Джонни будет слово «папа», что, согласно приметам, означало, что следующим ребенком будет мальчик. Обманул радостные надежды леди Эвелин и на рождение близнецов небывалый урожай в этом году на яблоки и орехи.

Хотя психика беременных женщин часто бывает причудливо изменена, надо признать, что опасения будущей роженицы не были так уж нелепы. На самом деле каждый пятый ребенок в Англии XIX века не доживал до второго года своей жизни, и каждая десятая роженица умирала от сепсиса, родильной горячки или кровотечения. Роды были едва ли не одним из самых опасных состояний женщины того времени.

Роды в больницах практиковали довольно часто, однако это не гарантировало их благополучного исхода, напротив, они почти всегда сопровождались смертельным риском. Как ни странно, но даже мытье рук врачом перед осмотром было делом вовсе не обязательным. Врач мог войти в палату прямо из морга, не считая это чем-то невозможным. В больницах рожали женщины из работных домов или заключенные. Благополучные женщины предпочитали рожать дома. При этом приглашение семейного врача не всегда предпочитали услугам повитухи, отсутствие медицинского образования у которой с лихвой компенсировалось богатым практическим опытом.

Будучи заботливым и любящим мужем, Уильям Вебстер заранее поинтересовался новыми веяниями в акушерстве и доверял прогрессу. Он знал про открытие первого роддома в Лондоне, где все было оборудовано по последнему слову медицинской техники, и где, согласно последним распоряжениям правительства, роды принимали врачи, получившие специальную государственную лицензию. Он знал, что именно в этом роддоме знаменитый доктор Сноу произвел сенсацию, впервые применив хлороформ для обезболивания родовых болей у рожениц. Несмотря на поднятый духовенством шум, провозглашающий его практику безбожной, ибо Бог повелел женщине рожать в муках за прегрешение ее праматери Евы, практику доктора Сноу взяла под свое покровительство сама королева Виктория, которая показала побуждающий пример для всех женщин Англии. В этом роддоме 7 апреля 1853 года королева Виктория произвела на свет принца Леопольда. Роды принимал сам доктор Сноу, применив наркоз из хлороформа. Позже примеру королевы последовала и дочь архиепископа Кентерберийского.

Сэр Уильям был вдохновлен этими примерами и собирался перевезти семью в Лондон, когда придет время родов леди Эвелин. Его успокаивало также и то, что роды леди Эвелин были для нее не первыми, и что ее первые роды прошли благополучно и без осложнений.

Однако на деле сэру Уильяму так и не удалось побороть сопротивление супруги, которая ни за что не хотела, чтобы ее роды принимал врач – мужчина. Она предпочитала рожать дома в присутствии надежной старой повивальной бабки, которая приняла у нее первенца и оказывала услуги еще матери сэра Уильяма при его рождении. И вот, произведя на свет прелестную и долгожданную дочь, его молодая и горячо любимая супруга леди Эвелин скончалась от послеродовой горячки, оставив мужа в глубокой скорби и печали.

Вызванный к постели умирающей доктор не смог предложить для спасения роженицы ничего кроме опиума и коньяка с содой. На самом деле большинство даже опытных врачей сходилось во мнении, что причина родильной горячки кроется в излишних переживаниях матери и целиком зависит от состояния ее ума в такой напряженный момент ее жизни.

Смерть жены стала для сэра Уильяма неожиданным и сокрушительным ударом. С тех пор не проходило дня, чтобы сэр Уильям не упрекал себя за проявленную уступчивость. Дни проходили за днями, а он все никак не мог найти себе успокоения от своих скорбных сожалений.

Глава 2

Сэр Уильям Вебстер был вторым сыном, но единственным наследником своего отца Джона Вебстера. На момент описываемых событий ему едва исполнилось сорок лет.

Это был крепкий, плотный, но стройный мужчина гораздо выше среднего роста. Он высоко держал свою начавшую уже седеть голову и открыто и прямо смотрел на собеседника светлыми и ясными глазами из-под густых бровей. Достаточно пышные усы почти прикрывали узкие и плотно сжатые губы, однако волевой подбородок был лишен растительности и придавал лицу твердое волевое выражение.

Одевался он изыскано, но строго. Неизменный черный сюртук из дорогого сукна, обычно расстегнутый, открывал элегантный черный жилет с золотой цепочкой от часов, спрятанных во внутреннем кармане. Безукоризненной белизны сорочка со стоячим воротничком, строгий черный галстук и элегантный черный цилиндр завершали его образ.

История старшего сына Джона Вебстера и брата Уильяма Вебстера была покрыта тайной, которую глава семьи так и не открыл своему младшему сыну. Уильям не знал даже, в самом ли деле его старший брат Тимоти Вебстер был убит на войне, как говорил отец, или же был изгнан из дому, провинившись перед известным суровым нравом отцом. На последнюю мысль его наводило полное забвение отцом имени своего старшего сына и отсутствие в доме портретов брата или иных предметов памяти о старшем сыне, которые были бы уместны в случае его героической гибели на войне. Молчание по этому поводу хранила и мать Уильяма, никогда не осмеливавшаяся перечить воле мужа.

Несмотря на то, что предки Уильяма Вебстера, как подавляющее большинство богатых промышленников в Англии, не имели аристократических титулов, их сыновья находились в лучшем положении, чем отпрыски высоких аристократов. В этом заключалось еще не явное и не всеми осознаваемое в обществе преимущество нарождающегося класса богатой буржуазии.

Это выражалось в том, что титул в семье аристократов переходил только к старшему сыну, а его младшие братья должны были сами выстраивать свое будущее, или, как принято было говорить, идти в профессию, к чему избалованные и изнеженные аристократические отпрыски были однозначно не способны. Если им не посчастливится получить богатое наследство или жениться на деньгах, они вынуждены будут влачить весьма незавидное существование.

У богатых промышленников напротив все сыновья были равны в своем статусе. Кроме того, они, как правило, с детства были знакомы с делом, которым занимался их отец, часто работали вместе с ним, занимая различные нерядовые должности на предприятиях родителя и, в конце концов, в равных долях получали в наследство отлаженный и успешный бизнес и имели все возможности укрепить и преумножить его. Именно таким преимуществом и обладал Уильям Вебстер.

В наследство от отца Уильям принял семейный ткацкий бизнес и за время своего владения им превратил ткацкий сарай в настоящую современную ткацкую фабрику с цехами и прочими необходимыми подразделениями. Его управление бизнесом счастливо совпало со временем промышленной революции в Англии, положившей начало созданию первых крупных капиталов и укреплению класса крупной английской буржуазии, которым так славилась эпоха королевы Виктории.

Династия Вебстеров уходила корнями вглубь веков и занималась одним профессиональным делом, наследуемым из поколения в поколение сыновьями семьи. Уильям Вебстер не был единственным сыном Джона Вебстера, однако именно он унаследовал весь семейный бизнес, приносивший ему хороший доход и позволивший заново отстроить на родовой земле Вебстеров новый шикарный особняк, в котором размещалось теперь его семейство.

Глава 3

Фамильный дом Вебстеров, в котором родился Уильям Вебстер, был построен из корабельной сосны его прадедом Конрадом Вебстером в конце XVII века. По древней английской традиции это был дом с одним большим холлом, в котором первоначально размещалась вся большая семья Конрада.

По гражданскому законодательству того времени дом должен был выходить на улицу своим узким торцом. Однако, как и городские усадьбы дворян, пользовавшихся особыми привилегиями, дом Конрада был построен за пределами городской стены, в молодом квартале Манчестера Каслфилде среди множества живописных особняков. Это позволяло дому иметь широкий фасад здания, весь занимаемый большим холлом, в то время, как остальные жилые помещения располагались вокруг внутреннего двора.

Вступив во владение домом, Уильям отстроил поместье заново, согласно новой моде в градостроительстве XIX века и потребностям своей большой в его планах семьи. Помимо общих помещений и комнат, служивших многим целям, Уильям спланировал в новом доме просторный кабинет, уютный будуар супруги, супружескую спальню, вместительную столовую и несколько светлых детских комнат. Коридоры дома планировались так, чтобы не было проходных комнат, и не нарушалась интимность проживания каждого из членов семьи.

Главенствующий в начале XIX века в английской архитектуре неоклассицизм с его преклонением перед античной Грецией украсил новый дом Вебстера дорическими портиками и красивыми террасами. И наконец, участие в создании проекта дома модного архитектора Робинсона, последователя романтизма и псевдоготического стиля, придал всем постройкам здания облик средневекового замка, асимметричного, с живописным расположением частей и элементов.

В Викторианскую эпоху дом считался визитной карточкой его хозяев, заставляя их тратить основную часть средств, при отделке здания, на убранство гостиной и столовой. Однако и при обустройстве частных пространств, недоступных для посторонних глаз, Уильям Вебстер не поспешил на их отделку. Спальни и небольшие комнаты в доме были не просто помещениями для сна или досуга, заботами хозяина они стали небольшим частным миром своих владельцев, в котором прослеживалась его любовь и забота.

Весь дом отапливался с помощью каминов, предусмотренных в каждой комнате. Их квадратные углубления в стене были оформлены красивой чугунной рамой с керамическими вставками и узорчатой плиткой. Над каминной полкой висели древние зеркала в массивных золоченых рамах. Саму же каминную полку украшали бронзовые подсвечники и античные скульптурки из белого мрамора.

По обе стороны от камина в стенах были сделаны небольшие углубления для полочек, которые занимали тома книг, в золоченых переплетах, дорогие сервизы и различные безделушки. Эркерные окна гостиной, выступавшие широким полукругом, были украшены в верхней части красивыми витражами из расписанного вручную цветного стекла. В каждом эркере под окнами были устроены удобные сидения, повторяющие форму эркера, где любила проводить время за книгой или рукоделием леди Эвелин.

Полы гостиной были выстланы дорогими персидскими коврами, и только возле самого камина пол был выложен дорогой мраморной плиткой. По краям высокого потолка шел рельефный бордюр, а в центре над огромной хрустальной люстрой красовалась узорчатая розетка.

Напротив входной двери в дом находилась лестница с балюстрадой, ведущая на второй этаж в приватную часть. Здесь размещались спальни и детские комнаты. На втором этаже рас-

полагалась также и ванная комната, с горячей и холодной водой, а также смываемый клозет, что являлось новинкой и большой редкостью.

В детстве Уильям вместе с отцом посещал городскую баню в Манчестере, для чего его отец снимал отдельный номер. Уильям навсегда сохранил в памяти отвращение к этой процедуре. Освобождения заказанного номера приходилось ожидать часами, проводя время в общем зале ожидания, где полным полно было всякого разношерстного народу, так же ожидающего своей очереди. Отец прихватывал с собой свежий номер Таймс, а Уильяму ничего не оставалось, как скучать и глазеть по сторонам. Он с напряжением прислушивался к грубым голосам сердитых банщиков, требующих поскорее освободить тот или иной номер. О том, чтобы понежиться в теплой ванне, нечего было и мечтать. Поэтому совершенно неслучайно, что он уделил такое внимание обустройству ванной в своем новом доме.

После полной реконструкции в доме было проведено газовое освещение – новшество, которое опасались вводить родители Уильяма. И только на кухне плита все еще отапливалась углем. Это была уступка леди Эвелин своей любимой кухарке, которая сильно противилась новшеству и грозила уволиться, если ее заставят готовить на «этой уродливой газовой плите». Ее вполне устраивала огромная чугунная печь, которая топилась углем и считалась ею чрезвычайно удобной. В духовке можно было запекать мясо или печь хлеб, а на самой плите – варить суп или нагревать утюги. Температурного режима в духовке не было, да он и не требовался опытной кухарке. Она и без того хорошо знала, как, что и сколько требуется обжаривать или запекать.

Вообще с точки зрения кухарки, идеальной госпожой была та, которая никогда не вмешивалась в процесс приготовления пищи и на кухню не заходила. По ее мнению, пока она исполняла свои обязанности, леди нечего там было делать. Похоже, что это устраивало обеих.

Из задних спален открывался вид на большой сад с идеально стриженными газонами, на которых Уильям любил проводить время с маленьким Джоном, играя с ним в кегли. В то время, как леди Эвелин следила за ними с любовной улыбкой, отвлекаясь, время от времени, от книги или рукоделия. Летом в погожие дни семейное чаепитие устраивалось тут же на газоне.

В конце сада была устроена конюшня на десять лошадей и сарай для кареты и упряжи. Кучер и конюхи жили тут же в верхних комнатах над конюшней, являя собою надежную охрану территории сада.

Несмотря на появление электричества, Уильям, разумеется, не был среди тех, кто заменил дровяной камин на электрический. В своих консервативных по большому счету взглядах он сохранил трепетное отношение к традиционному дровяному камину.

Впервые дорвавшийся до богатства класс средней буржуазии Англии стремился продемонстрировать свой статус всеми возможными средствами, и нигде это не проявлялось так явно, как в устройстве системы обслуживания в имении. Часто количество слуг в доме викторианской эпохи диктовалось не хозяйственной необходимостью, а требованиями престижа. В этом разбогатевшие нувориши стремились полностью копировать богатые аристократические дома.

Так количество мужской прислуги в доме богатого аристократа почти всегда во много раз превышало количество служанок женского пола. Дюжина рослых красавцев в богатых ливреях или униформах, нанимаемая обычно парами, чтобы не разбивать комплект, выстроившихся перед главным входом или за спинами гостей в столовой, служила одной единственной цели – внушать мысли о величии их господина. Ничем иным эти могучие атлеты, называемые лакеями, не занимались, кроме как везде обязаны были сопровождать своего господина да выполнять его мелкие деликатные поручения. Во все остальное время они лишь без толку шатались по дому, зля и развращая своим бездельем остальную прислугу. Несмотря на то, что обходились они своим хозяевам намного дороже, чем остальная прислуга, хозяин намного легче мог

бы расстаться с более полезной женской прислугой, чем с любым из этих бездельником. Таковы были жесткие традиции престижа.

На эту тему в обществе даже ходили сплетни о герцогине Бекингемской, которая, заботясь о своем престиже, развела так много слуг, что им реально нечего было делать. Они весь день слонялись без дела, развращались и нагтели настолько, что отказывались вообще выполнять какую-либо работу, утверждая, что их нанимали не для этого. Гости герцогини часто наблюдали сытые, насмешливые физиономии, лишенные подобострастия, и жаловались на наглость и даже грубость ее прислуги.

Уильяму Вебстеру, обладающему независимым характером, чуждо было любое показное бахвальство. Во всем он старался соблюдать разумность и меру, поэтому в его доме слуг было ровно столько, сколько было продиктовано реальной хозяйственной необходимостью. По этой причине в доме Вебстеров никогда не было лакеев.

Благоразумие и справедливый нрав Уильяма Вебстера, проявлявшийся в его обхождении со слугами, способствовал тому, что в его доме никогда не происходило неприятных конфликтов с теми, кто в нем работал. В то время, когда в обществе шли нешуточные дискуссии по поводу того, должен ли хозяин извиняться перед слугами за свои несправедливые действия, для сэра Уильяма это не представляло никаких сложностей. Он легко и непринужденно мог извиниться перед кем угодно, если считал себя неправым.

Всей прислугой в доме управляла леди Эвелин. Она настолько четко регулировала правила и предписания, определявшие деятельность прислуги, что сделала ее присутствие абсолютно незаметным для остальных членов семьи и гостей дома.

Каждая комната господ была оборудована системой звонков со шнурками, а в цокольном этаже, где располагались служебные помещения, была вмонтирована специальная панель, позволяющая видеть, из какой комнаты поступил сигнал.

В доме было две лестницы – парадная и черная, предназначенная для слуг, чем обеспечивалась полная автономность их перемещения по дому. Лишь горничная мадам, няня маленького Джонни, камердинер хозяина, домоправительница и дворецкий имели право свободно перемещаться по жилым помещениям своих хозяев. Во всех же иных вопросах леди Эвелин старалась ничем не ущемлять достоинства своих слуг. Им хорошо платили, заботились об их здоровье, выделяли время на отдых, время от времени устраивали для них небольшие праздники и разрешали принимать своих гостей в отведенное для этого время. Все слуги дома Вебстеров столовались в кухне, и их рацион в основном мало отличался от рациона хозяев.

Впрочем, и сами Вебстеры были достаточно скромны и неприхотливы в том, что они употребляли в пищу. Тушеное мясо с овощами, баранья нога, рыба, несколько видов овощей, выпечка, фруктовый пудинг, фруктовый пирог, телячья лопатка с начинкой, запеченные голуби, заяц или карри, яблоки с рисом, запеченная птица, яйца пашот, ростбиф, сладкий омлет, баранья лопатка, вареная говядина, бульон из баранины, жареная баранья шея, печень и бекон, сладкий пудинг с изюмом – вот, пожалуй, и все, что составляло их ежедневный рацион в будние дни.

Со двора при кухне был устроен ледник для скоропортящихся продуктов. По сути дела это был очень глубокий колодец с лестницей, на дне которого лед хранился даже в самое теплое время года. При необходимости кто-нибудь из мужской прислуги спускался в ледник по лестнице и поднимал со дна ледника большой кусок льда, который кололи потом на более мелкие куски в холодной комнате при кухне и укладывали на дне большого шкафа, в котором хранились мясо, рыба, молоко и масло.

Хотя леди Эвелин требовала, чтобы свежие продукты закупались ежедневно на рынке, у мясника, молочника, пекаря и зеленщика, иногда все же, в зависимости от меню, их приходилось запасать впрок. Если случалось так, что у рыбы или мяса в жаркую погоду появлялся несвежий душок, то и в этом случае опытная кухарка, как и все деревенские хозяйки, знала,

что надо делать, чтобы избежать ненужного привкуса. Обычно она мыла начавшие портиться куски в холодной воде и затем кипятила их в кастрюле вместе с древесным углем. Летом помогал также и густой настой ромашки или календулы, в который клалось хорошо промытое мясо. После этого кухарке надо было только высушить его чистой тканью, sprysнуть соленым раствором и оставить до следующего дня. Тушки птицы хранились иначе. Их подвешивали за шеи, а вместо внутренностей тушка заполнялась древесным углем. Чтобы не портилась рыба, кухарка выкладывала ее в соль или сахар. Впрочем, существовало много и других хитростей. Иногда мясо она присыпала перцем и имбирем от мух, рыбу клала на уголь, в кувшин с молоком добавляла тертый хрен, вареные яйца смазывала льняным маслом и упаковывала в опилки.

Хотя главной прислугой в доме считались дворецкий Флэтчер и домоправительница миссис Слайд, кухарка мисс Грейвз стояла на одном с ними уровне, если даже не выше. Мисс Грейвз знала себе цену и вела себя весьма независимо. Она прекрасно понимала, что очень часто престиж хозяев и престиж их дома находятся именно в руках умелой кухарки. Этот ответственный момент наступал во время званых обедов, когда каждое из двадцати – двадцати пяти сложных и изысканных блюд должно было быть подано вовремя, горячим, отличаться отменным вкусом и поражать своим оригинальным внешним видом. Успех или поражение будут полностью приписаны хозяйке дома, будут обсуждаться много дней и тенью лягут на ее супруга.

В такие дни кухня превращалась в настоящее поле битвы, а мисс Грейвз – в полководца. Впрочем, она весьма виртуозно справлялась со своим воинством. Ее помощница Мари и посудомойка Глен наперегонки ощипывали птицу, потрошили кур и рыбу, чистили овощи и взбивали яйца, а мальчишка, приставленный к кухне, постоянно мелькал среди них то с ведрами воды из колодца, то с кусками льда для крема, то с дровами для печи.

Поскольку все блюда подавались с головами, и именно по виду этих голов гости могли судить о свежести подаваемых блюд, подготовку голов поросят, рыбы или дичи мисс Грейвз не доверяла никому, собственноручно чистя, приготавливая и украшая их. Блюда готовили одно за другим, накрывали крышками и отставляли на длинную, во всю стену, полку, с которой их забирали слуги, обслуживающие гостей за столом. Этой частью церемонии уже руководил Флэтчер. Пока кухню ни покидал десерт: мороженое нескольких видов, разноцветное желе в красивых формах и причудливо украшенные торты, никто на кухне не смел и пикнуть или перекинуться между собой парой слов. На кухне стояла напряженная тишина, и только командный голос кухарки нарушал ее.

Мисс Грейвз покидала свой командный пункт только тогда, когда к столу будет подано последнее блюдо и десерт. Тогда за дело принималась посудомойка и приставленная к ней в таких случаях помощница мисс Грейвз. Перемыть до пятисот единиц грязной посуды после званного обеда, убрать и подготовить кухню к завтрашнему дню возможно было только далеко за полночь.

Леди Эвелин, выписывающая массу домашних еженедельников и охотно следующая полезным советам, щедро публикуемым в них, старалась идти в ногу со временем и постоянно вводила в свое домашнее хозяйство все последние новинки, способные облегчить труд ее прислуги. Ее гордость в доме составляли имеющиеся в хозяйстве кофемолки, мясорубки, картофелечистки, прототипы пылесосов и другие подобные полезные новинки.

Первые стиральные машины уже появились в продаже, но они были несовершенными, рвали ткань и оставляли на ней ржавые отметины. По этой причине леди Эвелин не спешила с их приобретением, зато ее прачка имела в своем арсенале новомодное устройство для отжима белья и возможность пользоваться водой из проведенного водопровода. Прачкой в доме Вебстеров была дородная деревенская девица, сильная и добросовестная. Однако и с ней пришлось немало поработать домоправительнице миссис Слайд, чтобы приучить ее отбеливать белье лимонным соком, а не мочой и свиным навозом, как она привыкла у себя в деревне, а

для выведения пятен использовать мел или спирт, а не золу. Ответственная и дотошная миссис Слайд не оставила ее в покое до тех пор, пока та ни усвоила все премудрости настоящей качественной стирки по всем правилам.

Деликатное шелковое белье госпожи, которое нельзя было стирать на стиральной доске, следовало, поместив его в отдельную лохань, крутить при помощи валька сначала в одну, а затем в другую сторону. Чтобы одежда не выцвела, в воду следовало добавлять уксус для розовых и зеленых цветов, буру – для красных, щелочь – для черных и отруби – для всех прочих.

Мыло, которое только недавно стало производиться в Англии повсеместно, все равно не решало проблемы глубоких пятен. Поэтому прачке надлежало знать, в каких случаях следует применить то или иное средство. Для выведения жирных пятен использовался мел, пятен от воска – винный спирт или скипидар, пятен от травы – спирт, кофейных пятен – желток, взболтанный в теплой воде, винных брызг – соль, чернил – молоко, ржавчины – лимонный сок с солью, кровавых пятен – крахмал или керосин.

Поскольку имение Вебстеров находилось в пригороде Манчестера, почти вся нанимаемая прислуга состояла из жителей местных деревень. Народ этот был благонравный и трудолюбивый, однако настолько приверженный самым чудовищным предрассудкам, что и домоправительнице, и самой леди Эвелин приходилось постоянно следить за тем, чтобы в их быт не были введены какие-нибудь совсем уж неудобоваримые порядки.

Впрочем, ничто не могло помешать помощнице кухарки Мари долго и энергично трясти чайник со свежесваренным чаем, пока на его поверхности ни появятся пузырьки воздуха и густая пена. По твердому убеждению всех суеверных ланкаширцев, чем больше пены появляется на поверхности чая, тем больше будет в доме денег. Думается, что хозяйке следовало даже благодарить Мари за такую заботу об ее благополучии.

Однако как бы просты и демократичны ни были хозяева такого поместья, каким обладала семья Вебстеров, мир их прислуги все равно оставался отражением того мира субординации и условностей, каковым было буржуазное общество викторианской эпохи.

Для удобства их деятельности жилые комнаты слуг, чьи места работы были расположены в цокольной части особняка, были расположены там же, тогда, как слуги, работающие наверху, имели свои комнаты в верхних этажах, и это формальное разделение накладывало отпечаток на все их взаимоотношения. Вся прислуга, таким образом, подразделялась на верхнюю и нижнюю. К верхним слугам относились дворецкий, домоправительница, кухарка, камердинер Уильяма, горничная леди и няня. Нижние слуги: горничные по дому, кухонная служанка, прачка и посудомойка.

Непререкаемым главой всей прислуги считался дворецкий Флэтчер. Это был вышколенный, мало говоривший слуга, державший всю мужскую прислугу в строгости. Флэтчер являл собой классический образец английского дворецкого: величественный, уравновешенный, обходительный и учтивый с господами. Всегда почтительный и готовый к услугам он, однако, выполнял их, нисколько не роняя своего достоинства. Было очевидно, что Флэтчер сознавал, какую солидность дому может придавать настоящий английский дворецкий.

Флэтчер предпочел свое высокое положение среди прочих слуг личному счастью. У него никогда не было своей семьи, а сам он начинал служить еще деду Уильяма Вебстера. Видимо, именно потому, что Флэтчер был единственным, кто остался рядом с Уильямом с тех пор, как он помнил себя ребенком, Уильям Вебстер относился к нему с выраженным почтением и добродушно выслушивал его ворчанье.

Для отца Уильяма, старого Джона Вебстера, у которого из-за крутого нрава не задерживался ни один камердинер, Флэтчер выполнял также обязанности последнего. Тогда утро его начиналось с того, что он выкладывал на кровать одежду хозяина, состоявшую из нескольких перемен, приготовленную на день, которую он сам перед этим чистил и гладил. В его обязанности также входила подготовка утренних газет для Джона Вебстера. Он проглаживал горячим

утюгом каждую страницу газеты, чтобы высушить свежую типографскую краску, пачкавшую руки. Впрочем, эту услугу он взял на себя сам по своему собственному почину. Он же наливал хозяину вино, виски или бренди.

Именно Флэтчер следил за тем, хорошо ли вентилируется подвал, где хранится вино и за поставкой новых дорогих вин, которые он сам же и подавал хозяину за ужином. Для проверки вентиляции подвала он помещал свечу на длинном пруте и входил с ней в подвал. Если пламя свечи гасло, то он прибегал к искусственной вентиляции всего помещения. Впрочем, винный погреб Вебстеров был устроен идеально. Это было глубокое сухое сводчатое хранилище в северной части дома, недоступное заливанию при длительных и обильных дождях и вдали от тряски карет и экипажей, вибрации кузниц и галопировавших всадников, что очень плохо сказывалось на качестве хранимого вина.

Умение обращаться с вином было основным достоинством и гордостью Флэтчера. Он знал, что делать с вином, если оно становилось слишком уксусным или приобретало неприятный привкус. Он легко мог добиться хорошего вкуса бренди, добавив в солодовый алкоголь немного угольного порошка. Он знал, что в хорошей сладкой мадере должно быть не менее 85% винограда сорта мальвазия, и знал, как сгустить его с помощью подмешивания яиц. У него был собственный рецепт, как улучшить вкус белого вина. Для этого он сливал половину вина, а в оставшуюся часть добавлял галлон свежего молока, клал горсть морской соли и риса, сбивал получившуюся смесь не менее получаса, выливал в бочонок и запечатывал на несколько дней, после чего вкус вина становился просто необыкновенным. Он также успешно руководил варением пива.

Все эти качества делали его объектом тайных мечтаний домоправительницы миссис Слайд. Старая дева не раз мечтала в ночной тишине, как очарует Флэтчера, как они поженятся и покинут службу, заведут детей и на свои сбережения откроют собственный небольшой отель с хорошим баром. Однако время шло, а мечты оставались мечтами. Флэтчер оставался все также недостижим для многозначительных взглядов и тайных вздохов старой девы, как, впрочем, и для всех остальных. Казалось, что Флэтчер родился дворецким и дворецким же умрет.

Флэтчер не был любителем посещать специальный клуб для лакеев и кучеров, где дворецкие считались высшей кастой. Он не любил сплетничать о хозяевах, а больше там, собственно, и нечего было делать. Все же местные сплетни приносил ему из клуба камердинер Уильяма Вебстера, посещавший клуб намного аккуратней, чем церковь.

Флэтчер был ответственен за красивую сервировку стола, а также за то, чтобы все блюда были поданы вовремя и достаточно горячими. Он же проверял вечером, потушены ли все свечи и запреты ли все двери.

Кроме всего прочего Флэтчер обладал чутьем по внешнему виду и поведению посетителя безошибочно определять, к какой категории относится визитер, благодаря чему ни разу за весь срок своей службы не поставил хозяина в ложное положение. При этом прочитать что-либо на его непроницаемом лице было невозможно.

Женская прислуга, почитавшая Флэтчера главнее всех в доме после хозяев, тем не менее, испытывала гораздо больший трепет перед домоправительницей миссис Слайд, которая являлась единственным звеном, связывающим их с хозяйкой дома. Впрочем, и дворецкий Флэтчер, вопреки древним английским традициям, больше имел дело с миссис Эвелин, чем с хозяином, постоянно занятым и пропадавшим большее время суток на своей фабрике.

В обязанности миссис Слайд входило решать, вымыть ли окна и постирать ли занавески, где натереть полы и когда подавать чай. Она была грозой для женской прислуги, которую сама же нанимала и рассчитывала. Ее боялись все, кроме няни и горничной леди, которые подчинялись только хозяину или хозяйке. Даже кухарка, которая тоже относилась к верхним слугам и не позволяла никому командовать на своей территории, немного робела перед домоправи-

тельницей и не упускала случая угодить ей. На самом деле кухарка просто испытывала к миссис Слайд искренне уважение.

Миссис Слайд была тем уравнивающим звеном между интересами хозяев и слуг, который помогает механизму под названием «домашнее хозяйство» работать без перегрева. Она понимала то, чего не понимает почти ни одна хозяйка, а именно паритета интересов той и другой стороны.

Только в романах отношения хозяев замков и богатых особняков со своими слугами носят патриархальный характер взаимной любви и заботы. На самом же деле это две противоборствующие стороны, которые никогда не могут быть в равновесии, учитывая реальные человеческие характеры и уровень жизни каждого.

Когда заботливый дворецкий, который всегда разбирается в сортах вин лучше, чем его хозяин, сообщает последнему, что его винный погреб нуждается в срочной переделке, хозяину и в голову не приходит, что у того на самом деле на уме. А дворецкому просто необходимо инициировать стройку, постоянно растущая смета, которой на долгое время станет источником его дополнительных доходов. При этом не следует думать, что дворецкий – вор и злодей. Нет, он всего на всего считает, что заслуживает некоторый бонус за свою верную службу у этого вертопраха и бездельника, каковым, с его точки зрения, является его хозяин. То же самое происходит по всему дому.

Ранним утром, когда хозяйка еще досматривает свои сладкие сны, ей и в голову не приходит, какая кипучая деятельность развивается у нее на кухне и у черного входа. Кухарка продает лишние продукты, в необходимости приобретения которых, накануне убедила свою хозяйку. Старьевщик принимает от слуг все, что они сумели припрятать или сэкономить во время службы.

Способов потихоньку грабить своих хозяев тысячи, и слугам всех рангов они превосходно известны. Низшие классы никогда не примирятся с тем, что жизнь их хозяев так разительно отличается от их собственной жизни. Хозяева никогда не влезут в шкуру своих слуг. Эти две силы, живущие под одной крышей, всегда будут находиться в антагонизме по отношению друг друга.

В доме Вебстеров миссис Слайд была тем безменом, который уравнивал интересы обеих сторон. Миссис Слайд сумела, с одной стороны, убедить хозяйку, что преданные и честные слуги, пекущиеся о сохранности имущества своих господ и их выгоде, заслуживают некоторого добавочного бонуса в виде своеобразной премии за добросовестно выполняемые обязанности. С другой стороны, она убедила прислугу в том, что добросовестное и честное отношение к имуществу и деньгам хозяев принесут им гораздо больше выгод, чем тайное их расхищение. Таким образом, под ее мудрым руководством и волки были сыты, и овцы целы.

Естественно, что миссис Слайд была не менее Флэтчера большой находкой для хозяев. Кроме всего прочего она славилась изысканными рецептами приготовления собственного вина и сыра, нежных джемов, очень хорошо разбиралась в сборах лечебных трав от различных хворей. На ней лежала заготовка овощей и фруктов на зиму. Именно к ней бежала вся прислуга за первой помощью, когда что-то случалось в доме. Можно смело сказать, что молодой чете Вебстеров очень повезло. В то время, как многие аристократические семьи разорялись по вине своих управляющих, слишком хорошо знающих, как использовать имущество своих хозяев себе на пользу, за такими слугами, как Флэтчер и миссис Слайд, Вебстеры чувствовали себя как за каменной стеной.

Несмотря на то, что к домоправительнице, независимо от ее семейного положения, всегда применялось обращение «миссис», миссис Слайд была старой девой и самое большое значение придавала нравственности, вверенной ей женской прислуге. По неписанным законам времени женская сущность считалась наиболее вероятным источником греха, чем мужская.

Мужчина не виноват в том, что поддается соблазну, а вот женщина виновна в том, что является источником такового, считала миссис Слайд, впрочем, не она одна.

Большой знаток жизни и знаменитый писатель столетия Даниэль Дефо, так отозвался о горничных в одном из своих произведений: «Многие добропорядочные семьи разорены и обесчещены этими шлюхами, которые, воспользовавшись простотой и неопытностью молодых хозяйских сыновей и их неконтролируемыми желаниями, запустили свои проворные пальцы не только в лучшие имения, но и в акции. Сколько достойных семей было разрушено такими женщинами!»

Требования морали, которые начитанная миссис Слайд предъявляла женской прислуге дома Вебстеров, были достаточно строги. Миссис Слайд требовала, чтобы девушки горничные не допускали в своем внешнем виде ничего, способного возбудить непристойные желания у мужчин. Никаких глубоких декольте, ярких лент и украшений из пера, никаких затягиваний талии и прочего. Они не должны также допускать никаких поблажек для себя, исходящих от господ мужского пола, не отвечать на комплименты, не принимать подарков.

Роман Сэмюэла Ричардсона «Памела», переизданный много раз и пользовавшийся неимоверной популярностью у женской прислуги, вызвал резкую критику в ее беседах с вверенной ей прислугой, несмотря на то, что сама миссис Слайд тайно и со слезами прочитала его в своей комнате. Судьба горничной, описываемой в романе, которая остроумно отвергла ухаживания своего господина, непрестанно падая в обморок при каждой его попытке домогательств, и вынудив его, в конце концов, жениться на себе, поддельно возмущала миссис Слайд. Она то и дело высказывала резкие замечания по поводу безнравственного поведения Памелы, что абсолютно не мешало девушкам горничным и даже самой кухарке тайно мечтать о подобной судьбе.

Поскольку новые слуги и служанки нанимались из деревни и были, в большинстве своем, неотесанными и некультурными, миссис Слайд уделяла большое внимание их воспитанию и привитию им хороших манер. Она считала, что культурный уровень слуг, как ничто иное, придает высокий уровень дому, в котором она служит. И, тем не менее, она предпочитала брать на работу свежих деревенских девушек, чем готовую прислугу с рекомендациями. Обладая большим жизненным опытом, миссис Слайд мало значения придавала хорошим рекомендациям прежних хозяев нанимаемой прислуги, прекрасно понимая, на какие ухищрения готовы иные хозяйки, чтобы без скандала избавиться от вредной и скандальной особы. Понимала она также, что хорошую прислугу ценят высоко, и она весьма редко оказывается перед необходимостью поиска работы, а потому предпочитала нанимать нигде еще не работавших и неиспорченных девушек прямо из деревни и обучать их всему с нуля, чем постоянно воевать с испорченными нерадивыми хозяевами девицами. Несмотря на то, что в Манчестере, как и во многих больших городах уже существовал Регистрационный офис, в котором стояли на учете безработные слуги, миссис Слайд игнорировала и его.

Кроме того, миссис Слайд уделяла большое внимание религиозности вверенных ей служанок, практически рассуждая, что вера дисциплинирует людей, ведь, преодолевая свою лень ради молитвы, они также преодолевают ее ради работы. Кроме того, верующие девушки в каждом своем поступке сверяются со своей совестью, а это гораздо более строгое мерило, чем присмотр домоправительницы или хозяина.

Миссис Слайд имела отдельную довольно хорошо обставленную комнату в верхних покоях, в которых часто собирала верхних слуг для чая. Для всех остальных приемов пищи она спускалась в общую столовую, и тогда все остальные слуги ожидали, пока домоправительница и дворецкий займут свои места во главе общего стола. Последние, в свою очередь, строго следили за тем, чтобы все слуги занимали свои места за столом согласно установленной субординации. По правую и левую руку домоправительницы надлежало сидеть кухарке и горничной

леди Эвелин, далее вся остальная женская прислуга. По обе руки дворецкого сидели камердьер хозяина и кучер, далее – вся остальная мужская прислуга.

Приступали к еде только после молитвы, прочитанной Флэтчером. Вначале трапеза проходила молча, однако лишь до той минуты, пока верхние слуги ни поднимались в комнату миссис Слайд на чай с пудингом, где могли свободно обмениваться своими наблюдениями и сплетнями дня. Среди нижних слуг, оставшихся за столом на кухне, тут же начинался оживленный обмен теми же сплетнями и активным заигрыванием мужской прислуги с молоденькими служанками.

И Флэтчер, и миссис Слайд в корне пресекали возможность прямого обращения к господам любого из слуг. Все обязаны были делать это только через них. В случае же обращения хозяев к слугам напрямую, те обязаны были давать лишь однословные ответы на обращенные к ним вопросы и не проявлять личной инициативы в разговоре. Исключение из этого правила составляла только старая няня маленького Джонни. Проведя в доме Вебстеров большую часть своей жизни в общении поочередно со всеми поколениями подрастающих наследников, она считалась чуть ли не членом их семьи.

В доме Вебстеров слуги имели еще одно большое преимущество перед слугами большинства других домов. Их заработок, а также и тот факт, что хозяева всегда упоминали их в своем завещании, позволяли добросовестным и трудолюбивым слугам откладывать неплохие деньги. В старости, когда многие отслужившие свой век слуги отправлялись в работный дом, слуги Вебстеров, имели возможность прикупить себе небольшой бизнес вроде таверны или собственный домик, чтобы спокойно доживать свой век.

Стоит отметить одно небезынтересное наблюдение, делающее честь чете Вебстеров. Среди английских слуг, как нигде в мире, распространено правило обязательно получать немалые чаевые от гостей своих хозяев. Опытный слуга никогда не наймется в дом, где хозяева принимают гостей реже, чем один-два раза в месяц. К дому молодых Вебстеров это не относилось. Молва об их хорошем отношении к своим слугам и прекрасных условиях, создаваемых для них, превосходила сведения об их уединенном образе жизни и редких приемах с большим количеством гостей. Среди местной прислуги было известно желание занять освободившееся место в этом доме при первой же возможности.

В доме леди Эвелин не было места беспорядку, нечищеному камину, грязным скатертям, невкусной или холодной еде, жалобам слуг или их недостойному поведению. Светлая улыбка, уютный очаг, продуманный обед, вежливый интерес ко всему, что говорит ее супруг – вот что доставляло ей самое большое удовольствие.

После несложного утреннего туалета – она не любила излишеств ни в чем, начиная с прически и кончая нарядами – и легкого завтрака леди Эвелин принимала домоправительницу и выслушивала ее доклад обо всем, что происходило вчера, и что должно будет произойти сегодня. Затем она встречалась с кухаркой и подробно обсуждала с ней меню на весь день. После этого она обходила дом, чтобы убедиться, что все соответствовало заведенному порядку. Раздав необходимые указания и закончив с утренними заботами, она посвящала себя занятиям с маленьким Джоном.

Глава 4

Джон Вебстер младший, названный в честь своего деда и отца Уильяма Вебстера, был необычайно красивым мальчиком, пышущим здоровьем и жизнерадостностью.

Согласно существовавшей моде он не так давно был переведен с малышовой одежды, одинаковой для мальчиков и девочек и состоящей из кружевных платьиц на настоящую мужскую одежду с бриджами, белой гофрированной рубашкой и длинными носками. Однако, вскоре, после того, как принц Уэльский появился на людях с двумя своими малолетними сыновьями, одетыми в стиле военно-морской темы, туалет Джона дополнили китель, отделанный черной лентой, и настоящая морская рубашка с воротником, которыми он чрезвычайно гордился.

Детство первенца и единственного сына Уильяма Вебстера совпало со все возрастающим влиянием на умы общества сочинений Жан Жака Руссо и Джона Локка, объявившего ребенка «чистым листом бумаги», на котором родители и учителя могли прописывать новые благородные знания и качества его личности.

Зная благородный и благоразумный характер своей жены, Уильям Вебстер полностью полагался на нее в вопросах воспитания маленького Джона. А леди Эвелин, в свою очередь, доверяла прогрессивным статьям в модных еженедельниках, уделявших большое внимание полезным советам по ведению хозяйства и воспитанию детей и выписываемых ею с похвальной аккуратностью.

Таким образом, оторванность от родителей, равно как и телесные наказания за проступки, принятые в английском обществе, не имели места в ласковом и любовном воспитании Джона, благодаря чему, он рос счастливым прямодушным мальчиком, в любое время находившим в лице своего любящего отца доброго друга и советчика.

Образованная и прогрессивно мыслящая Леди Эвелин сама занималась воспитанием Джона, не доверяя его ни нанятым няням, ни гувернерам. В самом начале леди Эвелин допустила к воспитанию сына старую няню, присматривающую еще за самим сэром Уильямом, однако ей не понравились те устаревшие народные предрассудки, которые та внушала маленькому Джонни. Однажды, когда Джон поспешил сам надеть рубашку и надел ее не на ту сторону, няня не разрешила ему переодеть рубашку, так как считала, что это дурная примета, и мальчик ходил до вечера в рубашке, надетой задом наперед.

Не нравилось леди Эвелин также и то, что няня пугала малыша всякими нечистями в минуты его непослушания. Если Джонни ленился умываться утром, няня пугала его водяной старухой Пэг или длиннорукой Нэлл, утаскивающих непослушных детей под воду. Если же он отказывался чистить зубы, на помощь няне приходила водяная ведьма Дженни Зеленые Зубы, которая имела еще и зеленую кожу, длинные спутанные космы волос и острые ногти. В особых случаях в дело вступало пугало всей ланкаширской детворы – чудовище Кровавые Кости. По легенде оно ютилось в чуланах под лестницей и ловило за штанишки всех неслухов отроческих лет.

После применения этих крайних мер няня учила Джонни вместо вечерней молитвы читать глупую, с точки зрения леди Эвелин, народную частушку:

«Марк, Лука, Матфей и Джон!
Благословите кровать и мой сон!
Все угла ее четыре,
Чтобы я проснулся в мире!»

После того, как Джонни потерял свой первый молочный зубик, няня натерла дырку от него солью, а сам зуб сожгла, уверяя, что в противном случае зуб может найти и погрызть мышь, и вследствие этого у ребенка вырастет вместо обычного зуба звериный клык.

На самом деле, не желая признаться самой себе, леди Эвелин тайно ревновала сына к его старой няне. В то время как ей приходилось считаться с традициями воспитания мальчиков в богатой среде и проявлять некоторую строгость в своих отношениях с сыном, няня была лишена этой необходимости и отдавалась любви к Джонни со всей страстью своего неизрасходуемого на собственных детей любящего сердца.

По строгим обычаям воспитания мальчиков, мать не имела права купать его, и леди Эвелин пришлось подчиниться этому обычаю. Однако тот же самый обычай разрешал купать маленького сына его няне. Таким образом, няне доставались самые сладкие минуты интимного общения с малышом.

Леди Эвелин, несмотря на всю свою начитанность, не могла соревноваться с неграмотной няней в рассказывании изобилующих чудесами старых народных сказок, которые маленький Джонни не уставал слушать у пылающего приятным жаром камина длинными зимними вечерами. И только няня могла принести Джонни лакомство с кухни, не опасаясь избаловать мальчика, после редких наказаний за какую-либо шалость. Таким образом, самые сладостные моменты воспитания ребенка доставались темной неученой няньке, а не образованной и утонченной матери.

Ревность леди Эвелин к няне маленького Джонни была, однако, излишней. На самом деле она уделяла малышу достаточно много внимания и находилась с ним рядом большую часть дня. Она самолично обучала маленького Джонни азбуке, чистописанию и правилам этикета.

– Смотри, Джонни, – ласково говорила она за столом, – столовую ложку следует использовать для бульона. Ее надо погружать в суп осторожно от себя, наполнять на две трети и подносить к губам стороной, а не концом. Не надо широко открывать рот и жевать с открытым ртом. Рот надо открывать слегка, чтобы только аккуратно взять кусочек с вилки. Горошек следует есть вилкой, а не ложкой. Персики и другие фрукты с крупными косточками нужно разрезать ножом. Рыбу следует есть вилкой и помогать серебряным ножом, а не хлебом. Чайную ложечку не следует оставлять в чашке, ее место на блюде, – настойчиво поучала сына леди Эвелин и с удовольствием наблюдала, как быстро и легко усваивает хорошие манеры ее Джонни.

Приписываемое англичанам первенство в создании детской литературы подтверждалось появлением таких шедевров, как «История Англии для детей» Чарльза Диккенса и произведениями Льюиса Кэрролла и Анны Сьюэлл. Леди Эвелин не считала зазорным знакомить своего сына с реалиями тяжелого детства бедноты, описываемого в романах Диккенса «Оливер Твист» и «Крошка Доррит», но вместе с тем не оставляла она без внимания и написанные для взрослых произведения Энтони Хоупа, Роберта Луиса Стивенсона и Даниэля Дефо. «Остров сокровищ» и «Приключения Робинзона Крузо» числились среди самых любимых книг маленького Джона, которые он просил мать перечитывать ему по несколько раз.

Леди Эвелин справедливо полагала, что детская литература, достойная внимания ее сына, не должна составлять просто развлекательного чтения, но должна способствовать ненавязчивому изучению морали в более доступной и привлекательной форме.

Несмотря на то, что детские игрушки были довольно дороги, и даже дети из обеспеченных семей не могли иметь их слишком много, леди Эвелин полагала, что игрушки должны быть обязательной статьей расходов в семейном бюджете. Детская Джона не была завалена игрушками, однако, обязательная лошадка, деревянные игрушки с движущимися частями, кукольный театр и железная дорога украшали его комнату.

Железная дорога фирмы Марклин, первой производительницы этой сложной игрушки, составляла предел мечтаний многих мальчишек из состоятельных семей. Состоящая из базового набора она позволяла в течение длительного времени постепенно докупать дополнительные вагоны и элементы к ним. Что постоянно подогревало интерес маленьких владельцев.

Джонни вместе с отцом следил за выходом очередной новинки по рекламе в домашних еженедельниках и становился первым их приобретателем.

Была в его детской конечно и модная игрушка Дьявол, завезенная недавно из Китая, с которой он управлялся весьма ловко, подбрасывая вверх катушку, привязанную к концу одной из двух палок и ловя ее на другую палку. Он делал это даже лучше, чем соревнующийся с ним отец. Более того, он изобрел множество других трюков, которые можно было проделывать с этой игрушкой.

В конце 1832 года французский изобретатель Жозеф Плато создал свое неслыханное по тем временам чудо – фенакистескоп. Впрочем, принцип его работы был довольно прост и основывался на оптическом обмане. Если человеку предоставить возможность смотреть на изображения предметов, меняющих форму и положение, а сами изображения, расположенные близко друг к другу, будут возникать перед глазами последовательно через очень короткие промежутки времени, то они сольются на сетчатке глаза, и человеку покажется, что эти предметы движутся на его глазах, меняя форму и положение.

Господина Плато не удовлетворили рисунки для фенакистескопа, сделанные парижским художником и он переслал свое изобретение Майклу Фарадею в Лондон, где художник Маду занялся созданием серии прекрасных рисунков для изобретения Плато. Таким образом, в Англии появилась новая занимательная игрушка фенакистескоп, которая очень быстро стала популярной у богатой части общества. Безусловно, она тут же пополнила собой детскую маленького Джонни.

Но больше всего Джон любил игрушечных солдатиков, с которыми он фантазировал всю, отправляя их на войну и устраивая настоящие сражения.

Леди Эвелин не разделяла традиции тех богатых семей, в которых дети должны были быть не видимы и не слышимы взрослыми, и довольно часто позволяла Джону находиться в столовой среди взрослых, когда там, по ее мнению, могли проходить полезные и интересные для него разговоры.

Любящая мать уделяла также внимание и физическому развитию своего сына. У Джона был свой маленький пони, с которым мальчик тренировал прыжки через кусты и невысокие преграды. Но больше всего мальчик любил игру с отцом в кегли.

Специально для этой игры был выпущен красивый набор, состоящий из деревянных шаров и девяти красочных кеглей. И каждую свободную минутку дома Уильям соревновался с сыном в том, кто больше собьет кеглей, и, хотя Уильям и не поддавался сыну, Джон не редко выигрывал у отца, что доставляло последнему реальную гордость за своего наследника.

Был, однако, в воспитании Джона один печальный момент, о котором сильно сожалела леди Эвелин. Бог не давал им с Уильямом других детей после рождения Джона, поэтому Джонни рос один, не имея товарищей в своих детских забавах. Выпускать его за ворота имения на улицу, где проводили время дети более бедных родителей, или приглашать этих детей к Джону – не было принято в кругах, к которым принадлежала чета Вебстеров. Леди Эвелин разделяла общий предрассудок своей среды о том, что ее сын нахватается страшных пороков от этих детей и пойдет по кривой дорожке.

Несмотря на то, что сама леди Эвелин не чуралась общения с представителями беднейших слоев населения Манчестера, посещая больных членов семей, работающих на фабрике ее мужа, посылала им подарки на Рождество и, делая это абсолютно искренне, в отношении своего сына она разделяла предрассудки своего класса.

Впрочем, подрастая, Джонни сумел открыть для себя целый мир и в пределах родового имения. Он то постоянно бегал на конюшню и слушал неспешные рассуждения конюха, то наблюдал за работой садовника или плотника, то потешался забавными байками кучера. Иногда в результате всего этого он гораздо более родителей был в курсе событий, происходивших в доме, знал всех слуг по именам, разделял их слабости, тревоги и чаяния.

Подготовка наследника к предстоящей ему жестокой конкурентной борьбе диктовала отцам – крупным промышленникам, к каковым относился и отец Джона, раннюю закалку характера своих сыновей. Для того, чтобы воспитать не требующего внешнего руководства, отвечающего за самого себя, дисциплинированного гражданина – полную противоположность аристократическому бездельнику, – мальчики из богатых буржуазных семей должны были получить аскетическое и часто довольно суровое воспитание и образование в одной из частных мужских школ в полной оторванности от своих родителей.

Весной Джону исполнилось восемь лет, и это обстоятельство приближало его неминуемую разлуку с родным домом. Джону, как и многим его ровесникам из богатых буржуазных семей, предстояло осенью отправиться на обучение в Итон, старейшую и знаменитую частную школу Англии.

Однако после понесенной им потери жены сэра Уильяма и радовала, и одновременно пугала эта необходимость. С одной стороны, он считал, что новая обстановка, знакомство и общение со своими сверстниками помогут Джонни поскорее возместить потерю любимой и нежной матери, но с другой, он подсознательно опасался, что его чувствительный и немного нервный сын встретит серьезные психологические проблемы в этой новой для него и суровой на самом деле школе жизни.

Глава 5

Развитие фабричной промышленности в Англии XIX века привело к появлению целого слоя предпринимательской буржуазии, которая своим богатством начинала теснить слой английской аристократии и выходить на первый план в разделении общества на классы. Однако вынужденная накапливать свои богатства упорным трудом и строгой экономией, она породила особый тип семейных отношений, не имевший места в семьях потомственных аристократов.

Внутри самой этой буржуазии шло четкое разделение по способу наживать состояние: те, кто наживал его путем торговых и спекулятивных операций, и собственно промышленная буржуазия, накапливающая свое богатство путем успешного развития производства материальных благ. Идеология семейных отношений в обеих этих категориях буржуазии заметно различалась.

Если разбогатевшие нувориши стремились во всем копировать аристократический стиль жизни, и заботились о приобретении высоких титулов и званий через женитьбу своих отпрысков на детях обедневших аристократов, то представители промышленной буржуазии, как правило, не испытывали такой потребности и, связывая себя узами брака с теми, кто по своему происхождению являлся им ровней, создавали семейную идеологию абсолютно нового типа. Все это отличало характер лучших представителей промышленной буржуазии, к которой, несомненно, принадлежал Уильям Вебстер, от аристократии с ее гедоническими устремлениями.

Все помыслы аристократической верхушки были направлены на ценности света. Внутри семьи могло происходить все, что угодно, важно было только мнение света, которое поддерживали любой ценой. В семьях самых знатных аристократов порой творились такие безобразия, от которых волосы могли встать дыбом, однако, если им удавалось сохранять видимость семейного благополучия, они числились среди самых уважаемых членов общества. Собственно, свет вообще не интересовало то, что происходило внутри семьи, допускались самые отвратительные формы насилия, беспутства и ханжества, если это не нарушало внешнего лоска. Это формировало отсутствие интереса самой семьи к внутренней семейной жизни, воспитанию детей и взаимоотношению супругов, поскольку никак не отражалось на материальном благополучии семьи. Все блага жизни и преклонение света передавались по наследству, независимо от личных заслуг наследников.

В образе жизни промышленной буржуазии все обстояло иначе. Там также можно было встретить лицемерие, ханжество и пуританские отношения, однако наряду с этим в семьях промышленной буржуазии существовало четкое разделение на публичную и частную сферы жизни, поскольку ложные отношения супругов и неправильное воспитание детей напрямую могло отразиться на материальном состоянии всей семьи. Не обладая преимуществами рождения перед лицом света, выходцам из буржуазных семей приходилось внешне поддерживать свое реноме, исходя из принятых в нем правил приличия. Однако внутри семьи отношения строились на строгом следовании лучшим народным традициям и духовно-религиозных ценностях. Это, в свою очередь, создавало особое семейное жизненное пространство, заполненное уважительным отношением к супружеским отношениям, и формировало новый взгляд как на роли мужчин и женщин в семейной жизни, так и на обращение с детьми.

Во времена родителей Уильяма Вебстера установка на брак еще была связана с хозяйственным расчетом. Детей женили родители, мало интересуясь чувствами жениха и невесты. Видимо, поэтому в семье, в которой вырос Уильям Вебстер, царил непререкаемый культ отцовской власти, матери отводилась роль бессловесной его рабыни. В семье же самого Уильяма все было иначе. Хотя деловая установка на брак, имевшая место во времена его предков сменилась допустимостью взаимной любви, однако любовь в браке подразумевала разумное отношение к выбору партнера. Безрассудная любовь порицалась и не была правилом. Супружеская любовь

предполагала наличие соответствующих добродетелей у избранника, а не заикленность на его внешних данных. Именно такова и была любовь между Уильямом и Эвелин Вебстерами.

Молодая семья Уильяма Вебстера относилась к той небольшой кучке счастливых молодоженов, которые могли иметь собственный и такой шикарный дом. Из пятнадцатимиллионного населения Англии в первой половине XIX века было всего 700 семей такого уровня. А леди Эвелин относилась к тем счастливым молодым женам, которые не испытывали на себе диктата старшего поколения, и имела возможность устраивать быт своей семьи по своему собственному разумению и в полном согласии со своим супругом.

Эвелин Вебстер не придерживалась аристократической отстранённости от домашних хлопот, и весь дом хранил тепло ее личного участия. Она гордилась тем, что своим деятельным участием в распорядке семейной жизни она вносит свою лепту в семейное благополучие и финансовую стабильность семьи. Обед, подаваемый на стол, был отменного вкуса и сервировки. Чистота дома и пунктуальная организация домашней работы была выше всяких похвал. Учтивый и безукоризненный прием гостей составлял славу дома Вебстеров. Приветливость, но в то же время сдержанность и скромность, постоянное упражнение ума и умение поддержать любой разговор были отличительными чертами характера леди Эвелин. Все это не могло не составлять счастья Уильяма Вебстера до безвременного ухода его любимой супруги.

Леди Эвелин не поддерживала распространенной традиции дам своего круга каждый день разъезжать с визитами к знакомым или принимать у себя кого-либо, кроме самых близких друзей. Она считала это пустой и бесполезной тратой времени. Вместо этого она сама без няни отправлялась гулять с сыном в парк у реки, прихватив с собой красочную книжку с картинками и небольшую фарфоровую кружечку. По традиции маленьких городков Ланкашира, некоторые молочники специально приводили в парк своих коров, и все желающие могли испить свежее парное молоко прямо из-под коровы. Лишенная глупых предрассудков, леди Эвелин считала это необходимой ежедневной процедурой, полезной для здоровья ее малыша.

Вечера леди Эвелин были полностью посвящены мужу. К ужину, который накрывался ровно в семь часов вечера, иногда приглашались гости, близкие друзья семьи или партнеры Уильяма Вебстера по бизнесу. Если же гостей не было, супруги читали вслух, обсуждали события дня или играли в настольные игры, в которых разрешалось участвовать и маленькому Джонни к его величайшему восторгу. Иногда леди Эвелин услаждала слух своего супруга игрой на фортепьяно и пением. Все, слышавшие ее пение, признавали, что она имела весьма приличные вокальные таланты.

Однажды в «Субботнем обзоре» была напечатана такая статья: «Каждый мужчина надеется найти такую спутницу жизни, которая его интересы принимала бы за свои собственные, которая, пока муж трудится на благо семьи, создавала бы для него дома уют и покой, не отвлекая его воспитанием детей, домашними заботами, разбирательствами со слугами. Супругу, которая была бы ему другом и партнером во всем, но при этом – никогда его соперником». Уильям Вебстер нашел в леди Эвелин именно такую жену. Для сэра Уильяма дом был единственным местом на земле, где живёт счастье. И вот теперь ее не стало, и вся прелесть некогда уютного дома, казалось, умерла вместе с ней.

Глава 6

Обуреваемый скорбью Уильям Вебстер перенес весь свой незаслуженный гнев на новорожденную крошку, считая ее причиной смерти своей оплакиваемой супруги. Его потеря была столь велика, что он не в состоянии был призвать на помощь свое врожденное чувство справедливости, и ни разу со дня смерти леди Эвелин не видел это крохотное существо, лишившееся матери в столь нежном возрасте. Хотя гнев его, в конце концов, утих, но равнодушие, которое он испытывал к несчастному ребенку, мешало ему подняться к ней в детскую, невзирая на попреки старой няньки.

А между тем малышка, которую нарекли Амелией, розовела и хорошела с каждым днем, все больше завоевывая сердце старой няни Джонни, которая уже полностью переселилась в ее детскую, почти совсем выпустив из внимания своего любимца, что, впрочем, было ему только в радость. Лишившись, наконец, постоянного контроля своих воспитателей, довольный Джон носился целыми днями по имению без всяких препятствий, вдоволь общаясь со своими любимыми слугами в саду и на конюшне. Старые слуги жалели его раннее сиротство и обращались с ним терпеливо и ласково. Будучи еще слишком маленьким, чтобы полностью оценить свое несчастье, и, услышав от своей старой няни, что его мама теперь живет на небесах, что ей там очень хорошо, и что она постоянно наблюдает за ним сверху и радуется за него, мальчик, поплакав поначалу, успокоился и наслаждался теперь всеми радостями своего детства на полную катушку.

Няня, получившая, наконец, неограниченную власть над воспитанием девочки с радостью вступила в свои права и полностью отдалась исконным народным предрассудкам в отношении малышки. В страхе, что душу маленькой Амелии может похитить какая-нибудь злая фея, она без устали впрыскивала в глазки и носик малышки крестильную воду, которой заведомо запаслась в большом количестве, отгоняя, таким образом, злоумышленную злодейку от ее кровати.

Еще более она поразила священника в церкви, требуя, чтобы маленькую Амелию крестили вперед ожидающего крещения младенца-мальчика. Няня горячо убеждала священника, утверждая, что в противном случае у мальчика не вырастет борода, но зато она непременно вырастет у Амелии.

К ручке погремушки ребенка она привязала коралл, выпрошенный ею у рыбаков, так как по ее приметам только это могло уберечь ребенка от сглаза.

Но больше всего она опасалась подменшей. Старые народные сказания хранили много историй о том, как новорожденного похищают местные ведьмы или лесные феи и учат его продолжать свое темное ремесло. Особенно охотно нечисти похищали голубоглазых и золотоволосых младенцев, чтобы улучшить свою темную породу. Увидев впервые золотые кудряшки и небесно-голубые глазки малышки, бедная няня ни на минуту не могла забыть об этой страшной опасности.

Она без устали пеленала Амелию в голубые пеленки и одеяльца Джонни вместо розовых, положенных для девочки, чтобы сбить, таким образом, с толку злонамеренных фей. С этой же целью она прикалывала к распашонке девочки серебряную брошку и мешочек с солью до тех пор, пока горничная Мэри не убедила ее в том, что для безопасности ребенка достаточно вдобавок к крестику надеть на малышку медальон с портретом и локоном ее матери, что и было немедленно сделано. Однако няня не переставала принимать и других неотложных мер по спасению Амелии. Она выкатывала кровать малышки на середину комнаты и несколько раз в день обмахивала ее Библией. Если же ей случалось отлучиться из комнаты, то над кроватью бывала привязана кочерга от камина с целью отпугнуть злых фей. Каждый раз, входя в детскую Амелии, няня немедленно кидалась к кровати малышки, чтобы убедиться, что она на месте,

и что вместо нее в кроватке не лежит полено, которое феи имели привычку оставлять взамен украденного ребенка.

Впрочем, басни о подменышах сидели не только в головах темных деревенских жителей. Этим страшным событием объясняли и в богатых семьях то, если ребенок рос с какими-нибудь странностями. Считалось, что злая фея все-таки сумела незаметно подменить младенца на своего собственного ребенка. Учитывая нравы и предрассудки викторианской эпохи, несчастной судьбе такого ребенка можно было только посочувствовать. Как правило, суеверные родители старались избавиться от него, а в местах, куда он попадал, к нему относились с крайней жестокостью.

Миссис Слайд, обычно строгая и чопорная, теперь тоже стала мягче и снисходительнее относиться к Джонни, как бы не замечая его мелких шалостей. Вопреки своему обычаю она не раз поднималась в детскую к новорожденной крошке и подолгу простаивала вместе с няней над ее кроваткой.

В душе миссис Слайд гнездились сомнения по поводу будущего малышки. Со свойственным ей благоразумием она понимала, что увязнувшая в своих деревенских предрассудках старая няня уже не годится для воспитания маленькой Амелии. Вспоминая устремления покойной леди Эвелин, миссис Слайд осознавала, что рядом с крошкой должна быть особа, очень похожая по характеру и взглядам на саму леди Эвелин. Однако понимала она также и то, что найти такую особу представляется миссией едва ли выполнимой.

Мысленно миссис Слайд приняла решение приспособить к этой задаче личную горничную леди Эвелин, которая по своим человеческим качествам была наиболее близка к намеченному идеалу и, к тому же, испытывая искреннюю привязанность к почившей госпоже, могла окружить соответствующей любовью и ее новорожденную дочь. К тому же, личную горничную госпожи мисс Мэри Тейлор все равно ожидало теперь скорое увольнение, если ей не найдется соответствующей работы в доме. Правда, мисс Тейлор не была настолько начитана и умна, как ее безвременно покинувшая этот мир госпожа, но все же этот вариант представлялся миссис Слайд наиболее приемлемым. Оставалось только поговорить с хозяином, и миссис Слайд наметила провести этот разговор с мистером Уильямом в самое ближайшее время. Однако случилось непредвиденное.

Не успела миссис Слайд дать все необходимые указания прислуге, как встретивший ее в холле Флэтчер передал ей указание хозяина немедленно явиться к нему в кабинет. В кабинете миссис Слайд нашла хозяина, читающим некое письмо.

Письмо было от мистера Джентри, управляющего Регистрационным офисом по найму прислуги в Лондоне. Он писал о том, что к нему обратилась некая миссис Роджерс, вдова дальнего родственника Вебстеров по материнской линии, которая, полностью разорившись, вынуждена была искать работу. Мистер Джентри спрашивал, не найдется ли ей место в доме Уильяма Вебстера в качестве горничной или гувернантки. На предложение мистера Джентри о том, чтобы, она напрямую обратилась к мистеру Вебстеру, что возможно, мистер Вебстер захочет назначить ей некоторое разумное содержание, нежели принять свою родственницу в качестве прислуги, миссис Роджерс решительно возражала и сообщила, что хотела бы жить только на заработанное собственным трудом жалованье.

Изложив суть дела, мистер Вебстер обратился к домоправительнице с указанием принять данную особу и найти ей работу в имении. Недовольно поджав и без того узкие губы, уязвленная миссис Слайд попыталась было возразить.

– Но, мистер Вебстер, в традициях этого дома не вмешиваться в мои действия по найму прислуги. Разве я имела несчастье в чем-либо провиниться перед вами, из-за чего вам угодно отказать мне в доверии? – сухо переспросила старая дева.

И без того раздосадованный попыткой посторонних лиц внести неразбериху в размеренную жизнь его дома и вынужденный решать вопросы, к которым он абсолютно не привык, Уильям Вебстер вскинул на миссис Слайд недовольный взгляд.

– Я полагал, миссис Слайд, что могу рассчитывать на беспрекословное подчинение своих слуг, – жестко отвечал ей Уильям Вебстер, – полагаю, что печальный уход моей супруги не заставит меня усомниться в рациональности действий женской прислуги, и мне не придется пересматривать заведенный леди Эвелин порядок. Надеюсь, что вы найдете возможность пристроить миссис Роджерс к соответствующим обязанностям, которые придутся ей по силам и по душе.

– Конечно, сэр. Можете во всем на меня положиться, – только и буркнула недовольная миссис Слайд и покинула кабинет хозяина.

Весь день она провела в раздумьях. Недобрые предчувствия будоражили ее воображение. Что-то чуждое и враждебное чудилось ей в обстоятельствах странного и неожиданного появления неизвестной родственницы. Однако она понимала, что, нечаянно накликая на себя неудовольствие хозяина, лишила себя возможности подробно и рассудительно обсудить с ним все обстоятельства нового назначения горничной леди Эвелин. Несомненно, если бы она провела с ним этот разговор, сама выбрав для него удобное время, ей удалось бы как обычно решить дело полностью в соответствии со своими намерениями, как это всегда и бывало. Теперь же, когда мистер Вебстер проявил свое неудовольствие, нечего было и думать о том, чтобы вернуться к этому разговору. Уильям Вебстер полностью перенял крутой нрав своего отца, и только леди Эвелин удавалось держать его в узде. Теперь же, когда ее не стало, спорить с хозяином было небезопасно.

На следующей неделе в имение прибыла особа, приезда которой настороженно ожидала вся прислуга. Вертикаль власти в доме в течение многих лет устоялась настолько, что давно уже существовала сама по себе. Что ожидает ее теперь? Положение миссис Роджерс, являющейся, с одной стороны, прислугой, а с другой, – родственницей хозяина, вносила много вопросов и сомнений в души верхней прислуги и в особенности миссис Слайд. Ни о каком радушии и доверии к незваной гостье не могло быть и речи. Вся женская прислуга будто бы замерла в ожидании вероятных перемен. Однако миссис Роджерс этого, похоже, абсолютно не замечала. С самых первых дней между ней и миссис Слайд пролегла глубокая пропасть тайной и непримиримой вражды.

Все началось с того, что эта наглая особа напрямую заявила домоправительнице, что сама выберет себе работу по своему вкусу. Твердая и непреклонная миссис Слайд вынуждена была отступить перед ее напором. Миссис Роджерс была тепло принята хозяином, который пожелал, чтобы она принимала пищу вместе с ним в столовой и заняла любую из свободных комнат наверху, что сделало ее положение еще более неопределенным. Как надлежало с ней обращаться? Миссис Слайд терялась в сомнениях и, в конце концов, приняла решение относиться к новой жилище дома с показным уважением, но и твердым достоинством. Впервые со времени многолетней работы в имении Вебстеров, она стала всерьез задумываться о возможном увольнении и тихом дожитии на свои сбережения где-нибудь в спокойном месте. Однако миссис Слайд была не из тех, кто способен легко сдаться неприятелю. Она решила зорко наблюдать за миссис Роджерс и ожидать удобного случая, чтобы разоблачить ее. В том, что в неожиданном приезде непрощенной гостьи таится нечто, что следует разоблачить, она уже ничуть не сомневалась. Слишком долго жила на свете миссис Слайд, слишком умна она была и слишком хорошо разбиралась в людях, чтобы не раскусить сразу же ее двойственную натуру, сущности которой она пока не понимала, но ничуть не сомневалась в ее природных склонностях и пороках.

А между тем появившаяся родственница Уильяма Вебстера осваивалась на новом месте и потихоньку прибирала к рукам нити управления имением, которые прежде были сосредоточены в цепких сухих ручках миссис Слайд.

Миссис Роджерс была довольно молодой особой, похоже, ей не было еще и тридцати. Впрочем, зоркая миссис Слайд, которую не обманывали женские ухищрения скрывать свой настоящий возраст, усматривала в ней более солидный жизненный опыт, чем тот, каким могла бы обладать добропорядочная тридцатилетняя особа. Она была даже хороша собой, если бы не живые, но слишком беспокойные глаза и внезапный цепкий и острый взгляд, который изредка можно было поймать, и который она тщательно скрывала. Однако, не родился еще тот хитрец, который сумел бы скрыть что-либо от зорких глаз миссис Слайд. Она ловко перехватывала этот взгляд миссис Роджерс, который тут же отвечал ей острой и нескрываемой ненавистью. Миссис Слайд несколько не смущалась этим и продолжала вести неусыпное и бдительное наблюдение за своим врагом, повсюду следуя за ней невидимой тенью. Однако эту битву ей предстояло проиграть. Умная и опытная домоправительница была между тем чистейшим и богобоязненным существом, которому было не выстоять против коварства, на какое были способны иные падшие души.

Однажды за ужином между миссис Роджерс и Уильямом Вебстером произошел следующий разговор.

– Дорогой кузен, если вы позволите, я осмелилась бы указать вам на некоторые досадные происшествия, которые происходят в вашем доме на моих глазах, – неуверенно начала миссис Роджерс.

Находящийся в таком редком в последнее время добродушном расположении духа Уильям взглядом подбодрил миссис Роджерс к продолжению.

– По моим наблюдениям очень уважаемая и высоко чтимая мною домоправительница миссис Слайд несколько злоупотребляет вашим дорогим доверием, – произнесла миссис Роджерс и как бы запнулась.

– Миссис Слайд? А что с ней не так? – спросил мистер Вебстер, с неудовольствием припоминая свой последний резкий разговор с домоправительницей в своем кабинете.

– Я очень боюсь ошибиться. Миссис Слайд поистине добропорядочная и преданная домоправительница, какую еще поискать, но знаете, так иногда бывает. После потери хозяйки старые слуги могут несколько утратить ориентиры и превысить свои полномочия. Право, я не знаю, наверное, я совершенно зря начала этот разговор. Вы в таком превосходном настроении, а я с неприятностями, – как бы сомневаясь, начала мямлить миссис Роджерс.

– Нет, уж продолжайте, моя дорогая. Так что миссис Слайд? В чем она, по-вашему, превысила свои полномочия? – заинтересовался мистер Вебстер.

– Видите ли, в ее руках, как абсолютно справедливо распорядилась леди Эвелин, сосредоточена вся власть и все деньги. У нее ключи от всех комнат и хозяйственных помещений. Над ней нет в настоящее время никакого контроля. Конечно, когда жива была дорогая кузина Эвелин, которая успешно управляла всем этим огромным хозяйством, то это было вполне безобидно. Однако сейчас, когда леди Эвелин нет с нами, миссис Слайд, видимо, почувствовав отсутствие контроля... Ой, право, дорогой кузен, не заставляйте меня продолжать... мне так дорого ваше спокойствие, что лучше наверное оставить все так, как оно идет... – с расстроенным видом пролепетала миссис Роджерс.

– Нет, нет, не беспокойтесь об этом. Я хочу знать все, что происходит в моем доме, – решительно возразил мистер Вебстер.

– Мне кажется, что миссис Слайд не совсем чиста на руку, – с горьким видом заключила миссис Роджерс.

– Хм, раньше за ней такого не замечалось. Она уже много лет служит в нашем доме, и я не помню, чтобы леди Эвелин когда-нибудь была недовольна ею, – раздумчиво протянул Уильям.

– Ну, ее, конечно, можно понять. Близится ее старость, и она, вероятно, хочет позаботиться о ней, – сочувственно проговорила миссис Роджерс.

– Ну, хорошо, – заключил, наконец, мистер Вебстер и нахмурился, – я поговорю с ней.

– Ох, дорогой кузен, предоставьте эту тягостную обязанность мне. Я понимаю, как тяжело и неприятно вам порицать старую заслуженную служанку, немного сбившуюся с пути. Поверьте, у меня был большой опыт в управлении прислугой в доме моего покойного мужа. Я сумею деликатно объяснить ей, что в ее обязанностях более не нуждаются. Сама же я с огромным удовольствием приму на себя все хлопоты по хозяйству, – с готовностью сообщила миссис Роджерс.

– Сделайте одолжение, дорогая кузина, действительно никогда не имел дел с прислугой. Со всем этим прекрасно управлялась моя покойная жена. Вы очень обяжете меня, если возьмете на себя эти хлопоты, а о вашем гонораре мы поговорим после, – заключил мистер Вебстер к обоюдному удовольствию.

Так миссис Слайд указано было на дверь самым несправедливым и унижительным для нее образом. Старой служанке, лишенной даже возможности получить последнее напутственное слово от хозяина, дому которого она самоотверженно служила столько лет, пожаловаться на несправедливость или получить какое-либо объяснение, пришлось молча и, глотая слезы, собрать свой небольшой скраб и, наскоро простившись с Флэтчером, няней и кухаркой, покинуть дом, которому она отдала свои лучшие годы жизни.

Глава 7

После внезапного увольнения миссис Слайд всколыхнулся весь механизм так хорошо отлаженного домашнего хозяйства. Кухарка мисс Грейвз, наиболее приближенная к покойной леди Эвелин и пораженная таким исходом дела, заявила, что она и часа не останется в доме, где управлять слугами будет «эта самозванка», и станет немедленно приискывать себе другое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.